

Валерий Дымшиц

(Санкт-Петербург, Россия)

Межфакультетский центр «Петербургская иудаика»,

Европейский университет в Санкт-Петербурге

E-mail: dym@eu.spb.ru; vodym1959@gmail.com

ORCID: 0000-0002-1099-9917

Источники «Дибук»: от этнографических экспедиций до «Грозы» А.Н. Островского

Аннотация: «Дибук» С.А. Ан-ского, самая известная пьеса еврейского театра в XX веке, возникла под влиянием широкого круга импульсов от еврейского фольклора до русской драматургии. В 1912–1914 гг. Ан-ский организовал знаменитые еврейские фольклорно-этнографические экспедиции в местечки черты оседлости. Важнейшим результатом экспедиций стали пьеса «Дибук», а также этнографическая и краеведческая программы. Статья посвящена влиянию экспедиций С.А. Ан-ского на возникновение «Дибук». Показана тесная содержательная и структурная взаимосвязь пьесы и этнографических программ. Прослежена зависимость программ Ан-ского и его собирательской работы в целом от исследовательских проектов Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева. Самая знаменитая пьеса русского театра «Гроза» А.Н. Островского, так же как «Дибук», была написана в результате этнографической экспедиции. Показано влияние пьесы «Гроза» на возникновение «Дибук».

Ключевые слова: еврейские фольклор и этнография, история драматургии, русско-еврейские культурные взаимосвязи

DOI: 10.31168/2658-3364.2023.1-2.05

I

Для широкой публики, далекой от изучения русской истории или еврейской этнографии, Семен Акимович Ан-ский (настоящее имя – Шлойме-Занвл б. Арн Раппопорт; 1863–1920) остается автором одного произведения – пьесы «Дибук». Ан-ский был участником русского революционного движения, видным общественным деятелем, журналистом, редактором, переводчиком, плодовитым прозаиком и поэтом, писавшим

на русском и на идише и, самое главное, организатором первых экспедиций в черту оседлости, прославивших его как «отца-основателя» еврейской фольклористики и этнографии. Однако обо всем, что он сделал, помимо «Дибук», теперь помнят только специалисты [Сафран 2020]¹, зато его пьесу (первоначально она называлась «Меж двух миров», но это название не прижилось) ожидал неувядающий сценический успех.

Первый вариант «Дибук» Ан-ский написал в 1914 г. на русском языке. В 1915 г. пьеса была принята к постановке Московским художественным театром (МХТ). Вплоть до 1917 г. Ан-ский, следуя пожеланиям театра, дорабатывал текст пьесы, которая, однако, так и не была поставлена в МХТ. Переработанный текст (он не сохранился) в 1917 г. перевел на иврит великий еврейский поэт Хаим-Нахман Бялик. Перевод был опубликован в Москве в 1918 г. Именно этот перевод лег в основу прославленной постановки Е.Б. Вахтангова в «Библейской студии» МХТ в 1922 г. «Библейская студия», переименованная в «Habima» (ивр. «сцена»), впоследствии стала первым профессиональным театром в Палестине. «Дибук» на несколько десятилетий остался в его репертуаре [Иванов 2003, 538–539]. Ориентируясь на перевод Бялика, Ан-ский в 1920 г. доработал вариант своей пьесы на идише для «Vilner trupe» (идиш. «Виленская труппа») [An-sky 1992, 21]. Эта постановка «Дибук» также стала вехой в истории еврейского театра.

Пьесу Ан-ского (точнее, ее переводы на иврит и идиш) ждала долгая и счастливая сценическая жизнь. Именно с этих переводов были выполнены переводы на многие европейские языки. «Дибук» шел на сцене по всему миру. По мотивам пьесы была написана опера, поставлены два балета, снят фильм [Иванов 2003, 527]. Сценическая жизнь «Дибук» продолжается и в наше время.

Первый вариант пьесы на русском языке, то есть оригинальное сочинение Ан-ского, считался безвозвратно утраченным. Его обнаружили в 2002 г. в фонде «Драматическая цензура» Санкт-Петербургской государственной театральной библиотеки², опубликован он был в 2003 г. [Иванов 2003, 527–528]. Исходный текст «Дибук», ставший наконец известным, позволил лучше понять генезис прославленной пьесы [Ан-ский 2003]. Дальнейший анализ текста «Дибук» я буду строить, опираясь именно на первоначальный русский вариант.

Ан-ский всю жизнь был увлечен фольклором. Еще в молодости, занимаясь просвещением шахтеров Донбасса, он собрал и опубликовал их песни [Сафран 2020, 61]. Находясь в эмиграции в Европе, Ан-ский ин-

¹ Авторизованный перевод биографии Ан-ского, написанной на английском языке [Safran 2010]. Русское издание было расширено и уточнено, поэтому ссылки я даю по нему.

² Прежде чем передать пьесу для постановки в МХТ, Ан-ский должен был представить рукопись в Главное управление по делам печати, то есть в цензуру.

тересовался достижениями современной ему фольклористики и этнографии. В 1905 г. Ан-ский вернулся из эмиграции в Россию с тем, чтобы посвятить себя изучению еврейского народного творчества. Для этого он начал планировать настоящую фольклористическую экспедицию, которая, впрочем, должна была решать не только исследовательские задачи. Ан-ский считал собирание фольклора важным политическим, общественным и национальным делом. Во-первых, верный народнической идеологии, он стремился обнаружить в местечках Юго-Западного края «еврейский народ» в том смысле, в каком русские народники находили «русский народ», понимая его как сообщество людей, чьи традиционные социальные и экономические практики позволяют перейти к революционным преобразованиям и социализму, минуя капитализм. Во-вторых, Ан-ский полагал, что собирание и изучение еврейской народной культуры может сплотить еврейскую интеллигенцию, отвлечь ее от партийных разногласий и вернуть к «корням». В-третьих, фольклор должен был стать источником новых сюжетов для писателей, новых стилистических решений для художников и, тем самым, сделать новую светскую еврейскую культуру подлинно национальной. Эти неоромантические задачи Ан-ский изложил в большой статье «Еврейское народное творчество», опубликованной в 1908 г. в сборнике «Пережитое» [Ан-ский 1995]. В 1912–1914 гг. Ан-ский осуществил свой план, организовав экспедицию по еврейским местечкам юго-западной Украины. «Дибук» стал ее непосредственным и самым известным результатом.

Фольклор не стал движущей силой для еврейской литературы и искусства в целом, но сам Ан-ский использовал в «Дибук» массу экспедиционных впечатлений и записей. То же можно сказать о знаменитой постановке «Дибук» Вахтанговым. Сценограф Н. И. Альтман и автор музыки к спектаклю Ю. Д. Энгель также «приобщились» к народной еврейской культуре. Альтман – одним из первых, в 1913 г. – зарисовал орнаменты на надгробиях в волынском местечке Грицев. Впоследствии эти зарисовки легли в основу серии литографий «Еврейская графика» [Дымшиц 2021, 15–16]. Энгель принял участие в первой экспедиционной поездке Ан-ского, записывая народные мелодии [Сергеева 2003, 104–105].

Пьеса Ан-ского наполнена фольклорно-этнографическими материалами, начиная с названия: «дибук» в народных верованиях – это душа умершего, которая вселилась в живого человека. Некоторые фольклорные мотивы и сюжеты, присутствующие в пьесе, избыточны, так как не способствуют движению действия, но автор стремится во что бы то ни стало продемонстрировать публике собранные им сокровища народной культуры. (В поздней редакции пьесы количество «лишних» фольклорно-этнографических мотивов сокращено.) Эта особенность раннего варианта бросилась в глаза его первому читателю, спонсору экспедиций барону В. Г. Гинцбургу, которому Ан-ский послал рукопись пьесы в начале

1914 г. Выразив автору свое восхищение, Гинцбург тем не менее пишет: «Вещь более рассчитана на читателя, чем на зрителя. Для вещи сценической не хватает очень серьезного элемента (главным образом в первом действии), не хватает движения. Интерес драмы слишком сосредоточен в том, что действующие лица говорят, и недостаточно перенесен на то, что они делают» [Иванов 2003, 530]. С этим трудно не согласиться.

Перечислим некоторые «избыточные» фольклорные эпизоды, которые никак не помогают развитию сюжета.

Первое действие: завсегдатаи синагоги пересказывают агиографические легенды, прославляющие чудеса хасидских цадиков [Ан-ский 2003, 330–331]; легенда о стае голубей, которая спасла старую синагогу от пожара, отгоняя искры крыльями [Ан-ский 2003, 339]; популярный нигн³ ребе Лейви-Ицхока из Бердичева «Ду» («Ты») [Ан-ский 2003, 344].

Второе действие: две легенды об основателе хасидизма р. Исроэле б. Элизере Баал-Шем-Тове, или Беште, причем вторая – о победе Бешта над колдуном – изложена очень подробно, ее объем – почти пять тысяч знаков [Ан-ский 2003, 349–351]. Бешт устраивает рыцарский поединок со злым колдуном. Противники сражаются не оружием, а словом: колдун использует заклинания, Бешт – молитвы. Бешт одолевает колдуна. Приведенная легенда не имеет никакого отношения к сюжету пьесы, но для Ан-ского она очень важна: он включил ее в свою программную статью «Еврейское народное творчество» [Ан-ский 1995, 670–672]. Этот сюжет, с точки зрения Ан-ского, наилучшим образом иллюстрирует важный для него тезис: специфика еврейского фольклора заключается в том, что герой побеждает противника не грубой физической силой, а силой духа.

В третьем и четвертом действии пьесы таких «тормозящих» эпизодов становится гораздо меньше: пространные монологи сменяются бурными диалогами. Пьеса по-прежнему насыщена фольклорными материалами, но теперь они «работают» в основном на стремительно развивающийся сюжет.

Кроме фольклорных текстов Ан-ский включил в пьесу множество этнографических наблюдений. Этнография, понимаемая как описание обрядов годового и жизненного циклов, а также народной медицины, суеверных и апотропейных практик, интересовала Ан-ского не меньше фольклора. Он понимал, что обряд часто оказывается «местом бытования» фольклора: фольклорный текст либо является частью обрядовой практики, либо содержит ее обоснование. Целый ряд сцен в «Дибук» основан на конкретных обычаях и обрядах, зафиксированных Ан-ским в экспедициях.

³ Нигн (мн. ч. нигуним) – напев, часто без слов, на слоги. Распевание нигуним – принятая в хасидизме медитативная практика. У каждого хасидского ребе и у каждого хасидского направления были свои нигуним.

Изображение некоторых из них продиктовано потребностями развития сюжета. Например, в первом действии в синагогу врывается женщина и распахивает орн-койдеш⁴, чтобы перед свитками Торы вымолить здоровье для больной дочери. Изображение на сцене этой «сгулы» (средства для исцеления) позволяет главному герою Хонону пересчитать свитки Торы и пуститься в мистические рассуждения о том, как он обретет свою возлюбленную Лию, обратившись к черной магии [Ан-ский 2003, 334–335].

Во втором действии этнографический материал становится главной движущей силой сюжета. Лия отправляется на кладбище, чтобы пригласить на свадьбу свою покойную мать и заодно приглашает своего покойного возлюбленного Хонона [Ан-ский 2003, 355–356], что становится триггером дальнейших трагических событий: неупокоенная душа Хонона вселяется в Лию. Здесь использован распространенный обычай: сирота отправляется перед свадьбой на кладбище, чтобы пригласить умершую мать или умершего отца незримо присутствовать во время обряда бракосочетания.

Но далеко не всегда использование этнографических наблюдений продиктовано нуждами сценического действия. Иногда это самодостаточные картинки «из народного быта», которыми Ан-ский спешит поделиться со зрителем.

В том же втором действии присутствует красочная сцена одаривания повитухи. Традиция связывает узами особых отношений «бобе» («бабку»), то есть повитуху, с «внуком/внучкой», то есть ребенком, появившимся на свет с ее помощью. В частности, когда такой ребенок, повзрослев, вступает в брак, он вознаграждает повитуху ценным подарком. Именно так происходит в «Дибук». Сначала Лия дарит рубашку старой повитухе Хане, потом Хана идет по базару, хвалится подарком и поет веселую песню [Ан-ский 2003, 357–358]. Ан-ский таким образом демонстрирует и обряд («одаривание повитухи»), и связанный с ним фольклорный текст. Вся эта сцена объемом около трех тысяч знаков очень колоритна, но не имеет никакого отношения к сюжету пьесы.

Фольклорно-этнографические экспедиции 1912–1914 гг. не просто подтолкнули Ан-ского к написанию «этнографической пьесы» и снабдили для нее материалами. Они определила стилистику и структуру отдельных сцен и эпизодов «Дибук»: пьеса выстроена как мозаика, сложенная из фрагментов полевых интервью.

Успех работы этнографа во многом зависит от того, насколько подробно он составил свой вопросник, в который включил все, что знает о традиционной культуре. Одним из важнейших результатов экспедиций Ан-ского стали его вопросники или, как он их называл, программы.

⁴ Кивот у восточной стены синагоги, в котором хранятся свитки Торы.

В 1915 г. Ан-ский, продолжая работать над «Дибуком», опубликовал две программы – историко-краеведческую и этнографическую.

Историко-краеведческая программа, составленная в соавторстве с А. Юдицким, насчитывает 173 вопроса. Она увязывает исторические события (вплоть до новейших, включая Революцию 1905 г. и сионистское движение) с местными памятниками старины и коллективной памятью [Историко-краеведческая программа 1913]. Особенное внимание в этой программе уделено историческим постройкам, еврейским и нееврейским. Ан-ский понимал, что старинные здания – это своего рода «концентраторы» фольклорных сюжетов, прежде всего преданий, поэтому программа включала, например, такие вопросы: «Какие истории и предания ходят у вас о старых синагогах?» или «Есть ли у вас старые замки, башни и дворцы, целые или разрушенные? <...> Какие исторические воспоминания и предания связаны с этими зданиями?» [Историко-краеведческая программа 2013].

Гораздо больший объем имела Этнографическая программа «Der mensch» («Человек»), состоящая из 2087 вопросов [Der mensch 2014]. Она посвящена обрядам жизненного цикла – от зачатия до загробной жизни – и связанными с ними верованиям. Программа состоит из пяти глав:

1. Ребенок: от зачатия до хедера⁵ (304 вопроса).
2. От хедера до свадьбы (633 вопроса).
3. Свадьба (231 вопрос).
4. Семейная жизнь (518 вопросов).
5. Смерть (401 вопрос).

Каждая глава делится в свою очередь на разделы. Вопросы в программе очень подробны, некоторые состоят из нескольких подвопросов. Вместе с Ан-ским над составлением программы «Der mensch» трудились слушатели Курсов востоковедения им. барона Г. Гинцбурга, частного высшего учебного заведения, созданного для преподавания еврейских знаний. Эти же молодые ученые принимали участие во второй и третьей экспедиционных поездках Ан-ского. Научным консультантом и редактором программы выступил выдающийся этнограф Лев Штернберг. «Der mensch» назван первой частью этнографической программы, так как предполагалась вторая часть – «Shabosim un yomim-toyvim» («Субботы и праздники»), – посвященная обрядам годового цикла. Один из участников творческого коллектива, Авром Рехтман, сообщает в своих мемуарах, что вторая часть была подготовлена к печати, но, к сожалению, не была опубликована [Rekhtman 1958, 17]. Ее рукопись до сих пор не удалось обнаружить.

Среди вопросов программы «Der mensch» присутствуют те, которые указывают на основные сюжетные мотивы пьесы, и это, прежде всего,

⁵ Начальная религиозная школа для мальчиков.

вопросы, посвященные народной вере в дибук и способам его изгнания (вопросы № 2034–2041) [Сафран 2020, 303–304].

Программы Ан-ского (особенно «Der mench») не потеряли своего значения как рабочий инструмент до сегодняшнего дня. Во-первых, в них в вопросительной форме содержится детальное описание обычаев и верований, бытовавших в традиционной еврейской среде. Это настоящая «энциклопедия народной жизни». Во-вторых, в значительной степени программу «Der mench» можно до сих пор использовать в полевой работе. Начиная с 2004 г. я неоднократно участвовал в этнографических экспедициях в Подолии (юго-западная Украина), то есть как раз в тех местах, где проходила экспедиция Ан-ского. В бывших местечках этого региона все еще проживает старожильческое еврейское население. В качестве вопросника была использована программа «Der mench» как в оригинале, так и в переводе на русский язык. Понятно, что часть вопросов, например, разделы, связанные с традиционным религиозным образованием, оставалась без ответа – никто из наших информантов не посещал хедер. Зато вопросы, посвященные основным событиям жизненного цикла и обрядам перехода, позволяли получить обширные и содержательные интервью.

Опыт полевого использования программ Ан-ского показал, как именно эти программы повлияли на структуру и стилистику «Дибук».

Полевая работа этнографа во многом построена на том, что во время интервью он задает информанту вопросы о той или иной практике, обычае или веровании. Часто вопрос звучит так: «Принято ли в вашей общине в таких-то обстоятельствах поступать так-то?» Ответ информанта зависит, в первую очередь, от меры его осведомленности. Краткий ответ состоит из утверждения или отрицания – «да, у нас именно так поступали/поступают» или «нет, первый раз о таком слышу». Более развернутый ответ: да, всё так и есть, так поступали потому-то и потому-то – то есть ответ содержит обоснование практики. Наконец, наиболее полный ответ, помимо подтверждения и обоснования, включает рассказ, фабулат или меморат, иллюстрирующий необходимость исполнения обряда или следования обычаю. Такой рассказ, как правило, повествует о том, как было предпринято соответствующее случаю действие, в результате чего его участники избежали неприятностей, или, наоборот, персонажи рассказа нарушили какие-то нормы и были за это каким-то образом наказаны.

Вот, например, ответы швеи Златы Ушеровны Медник (1932 г. р.), жительницы города Хотин (Черновицкая обл., Украина, исторически Бессарабская губерния) на вопросы из программы «Der mench» № 1697–1699: «1697. Опасаются ли оставлять покойника на ночь одного? Каков смысл этого? 1698. Есть ли поверье, что, если покойника оставить на ночь одного, он исчезнет (его унесут черти)? 1699. Не знаете ли вы историй о таких случаях, когда покойника оставили ночью одного, и он исчез?» [Der mench 1914]:

Соб.: А вот не говорили, что покойника нельзя одного ночью оставлять?

Злата Медник (далее З.М.): Говорили. И это же и правда, что нельзя, потому что мне бабушка... Опять я вам расскажу, не знаю, сказка это или правда было, потому что... У бабушки был брат, в деревне. Как едете в Черновцы, там деревня...

Соб.: Какая деревня, как называется?

З.М.: Данькивцы. Вот и оттуда его [покойника] везли сюда. Он умер в пятницу вечером. Ну, а у нас же в субботу... Знаем, что нельзя [хоронить]. Вот и сын вез его на повозке сюда на кладбище. Хотел по-своему [поступить]... Он [сын] отошел и оставил его [покойного отца] самого [одного]⁶...

Соб.: Ночью?

З.М.: Ночью.

Соб.: А где [оставил]? В поле? В корчме?

З.М.: Тут, уже в городе оставил, а сам пошел по своим делам. Приходит, а его [покойника] нет.

Соб.: И куда он делся?

З.М.: Кто знает? Через месяц его видели на базаре, что он [там] ходил мертвый.

Соб.: Он был мертвый или как живой?

З.М.: Неживой, мертвый и ходил!

Соб.: В тахрихиме⁷ или в нормальной одежде?

З.М.: В тахрихиме, только лицо видно было.

Соб.: А где видели? Здесь, в Хотине? На базаре?

З.М.: На базаре, там у них, в Данькивцах. Вот и пришел он, этот сын, к ребу⁸:

– Rebe, vus zol ikh tin? Der tote... Azoy un azoy...⁹

Zugt er¹⁰:

– Пойдешь и ударишь его два раза, он упадет, тогда возьмете и будете хоронить.

Он [сын] говорит:

– Как мне [ударить]? Отец! Как я подниму руку, его бить?

(Это ж раньше нельзя было, это ж сейчас бьются дети с отцом...)

Ну он [сын] так и сделал. Тот упал, и он его уже взял и привез сюда, и тут его уже повезли [на кладбище]. Или это сказка, или это правда – не знаю [Полевой архив, Украина, 2004 г. (Центр «Петербургская иудаика»)].

⁶ Особенность словоупотребления основана на том, что родной язык рассказчицы – идиш, в нем слова «сам» и «один» передаются одним и тем же словом – יחיד (алейн).

⁷ Погребальное одеяние.

⁸ Раввину.

⁹ Ребе, что мне делать? Папа... Так и так... (идиш).

¹⁰ Говорит он [ребу] (идиш).

Это образец идеального интервью. Информант сначала подтверждает наличие верования («нельзя оставлять покойника на ночь одного»), потом объясняет его смысл, для чего иллюстрирует свое утверждение развернутым фольклорным рассказом.

Многие эпизоды «Дибук» построены как фрагменты таких развернутых интервью, где вопросы собирателя не слышны (но могут быть отысканы в программе «Der mench»), а зрителю предъявляют только ответы информантов.

Один из центральных фольклорных сюжетов в «Дибук» – это история о могиле жениха и невесты, убитых около синагоги во время бракосочетания и там же похороненных. Такие могилы, судя по книге Рехтмана, были распространенным «местом памяти». Он пишет:

Во многих подольских и волынских местечках возле синагоги находится холмик, огороженный забором, который именуют могилой жениха и невесты. Везде рассказывают одно и то же предание: в 5408-м или 5409-м годах¹¹ (1648/1649 гг.), когда Хмельницкий со своими бандами прошел по Подолии и Волыни, истребляя целиком еврейские общины, среди жертв были жених и невеста. Они были убиты под хупой¹² вместе с унтерфирерами¹³ и прочими родственниками.

Произошло это во дворе синагоги; жениха и невесту похоронили прямо там, где они погибли. С тех пор ввели обычай: каждая пара, которую ведут к хупе по синагогальному двору, перед свадебным обрядом семь раз обходит вместе с родителями эту безымянную могилу. После хупы музыканты играют фрейлехс¹⁴, а жених и невеста со всей родней водят хоровод вокруг холмика, чтобы увеселить лежащую там убитую пару [Rekhtman 1958, 169].

Очевидно, это предание поразило воображение Ан-ского. История о возлюбленных, которые не разлучились и в смерти, служит символическим лейтмотивом «Дибук». Более того, эта могила оказывается местом кульминации пьесы, именно здесь в Лию вселяется душа Хонона, то есть дибук.

Лия (снова вырывается. Подбегает к могилке, простирает руки): Вечные жених и невеста, защитите меня! (Вскакивает. Совершенно иным, мужским голосом кричит.) Вы меня похоронили! А я вернулся к моей суженой – и не уйду от нее. Отступитесь от меня!

Раввин подходит к ней. Она ему кричит: «Хамелюк...»¹⁵

¹¹ По еврейскому летоисчислению от сотворения мира.

¹² Свадебный балдахин, под которым происходит обряд бракосочетания.

¹³ Те, кто ведут жениха и невесту к хупе.

¹⁴ Веселый свадебный танец.

¹⁵ Дух Хонона, вселившийся в Лию, называет раввина Хамелюк, то есть Хмельницкий, иначе говоря, сравнивает его с тем, кто погубил жениха и невесту, похороненных около синагоги.

Гости (*отшатываются от нее в ужасе*): В нее воплотилась чужая душа. Раввин: В нее вошел дибук! [Ан-ский 2003, 360].

Чтобы подготовить зрителя к пониманию того, что такое «святая могила», Ан-ский заранее рассказывает о ней в начале второго действия пьесы:

Гость (*заметив могилу*): А это что? (*Подходит, читает надпись*). «Здесь похоронены святые, невинно убиенные, жених и невеста, смертью своей прославившие Господа»¹⁶.

1-й старик: Это давняя могилка. Когда Хамелюк, храни нас Господь, напал на местечко и вырезал многих евреев, он убил жениха и невесту, которых как раз в это время вели к венцу. Обоих и похоронили, как святых, на этом же месте, где венчали, в одной могиле. Мы называем ее «святой могилкой» [Ан-ский 2003, 347].

По существу, реплика старика является ответом на вопросы из двух программ: «31. Нет ли таких могил, о которых ходят легенды?» [Историко-краеведческая программа 1913] и «1838. Нет ли около вашей синагоги или в городе огражденных могил? Откуда они взялись? 1839. Не говорят ли, что это могилы жениха и невесты, убитых под хупой во времена Хмельницкого?» [Der mensch 1914].

Рассмотрим еще одной ключевой эпизод пьесы. Лия собирается пригласить на свадьбу покойную мать и своего умершего возлюбленного Хонона. Приглашение умерших родителей на свадьбу было широко распространенной практикой. Мне самому довелось в экспедиции записывать интервью с человеком, который посещал кладбище перед своей свадьбой, чтобы пригласить покойного отца.

Инф.: Перед свадьбой, если были родители умершие, или мать, или отец, так ходили просить [прийти] на свадьбу. Мама была очень верующая, и мы с мамой поехали на кладбище к моему отцу. Мама говорила мне, какие слова говорить, я говорил. Потом [мама мне] говорит:

– Zug's fun dan numen¹⁷. Скажи от своего имени, кто ты. Скажи от своего имени: кто ты.

– Tote, ekh bet dekh, kim tsu indzer der khosene¹⁸ [Полевой архив, Украина, 2004 г. (Центр «Петербургская иудаика»)].

¹⁶ Имеется в виду формула «ал кидеш а-шем», то есть «во освящении Имени [Божьего]. Так традиция называет тех, кто был убит только за то, что был евреем, то есть стал мучеником за веру.

¹⁷ Скажи это от своего имени (*идиш, подольский диалект*).

¹⁸ Папа, я прошу тебя, приходи на нашу свадьбу (*идиш, подольский диалект*).

В пьесе Лия перед тем, как идти на кладбище, обсуждает со своей няней Фрадой, может ли она помимо матери пригласить Хонона. Няня объясняет, что этого делать не следует. По существу весь диалог Лии и Фрады представляет собой развернутый, с объяснениями, ответ на два вопроса из этнографической программы «Der mench»: «1113. Есть ли такой обычай: если жених и невеста сироты, они должны перед хупой посетить могилы родителей? 1114. Есть ли обычай приглашать на свадьбу покойных родственников? Кто их приглашает? Как это происходит?» [Der mench 1914]. Сперва Лия объясняет (как будто обращаясь к скрытому за текстом собирателю), почему она должна пригласить покойную мать, потом спорит с Фрадой о том, можно ли ей также пригласить Хонона. Няня не разрешает и тут же объясняет, почему этого делать не следует.

Лия: Мать моя умерла молодой и не испытала всех материнских радостей. Сегодня пойду к ней на кладбище и приглашу ее к себе на свадьбу. И она придет. И вместе с отцом поведет меня под венец и потом будет плясать со мною <...> Ведь можно и кроме матери кого-нибудь из покойников пригласить на свадьбу?

Фрада: Только самых близких родственников.

Лия: Хочу пригласить одного... не родственника.

Фрада: Нельзя, дочь моя! Если пригласишь чужого, все другие покойники обидятся, что их не пригласили, и будут причинять зло... [Ан-ский 2003, 355–356].

Персонажи (Лия и Фрада) сообщают об определенных практиках («Приглашу покойную мать на свадьбу») и запретах («Нельзя приглашать чужого на свадьбу») и тут же сами их истолковывают и обосновывают.

Сконструированных таким образом фрагментов «Дибук» можно было бы привести немало, однако остановимся на одном, а именно на эпизоде из второго действия «Лия одаривает повитуху» (приведен в сокращении):

Фрада: Ты еще должна отнести своей повитухе, бабке Хане, рубаху, которую ты для нее сшила. Это стародавний обычай и его надо исполнять. Баба Хана, откройте! Внучка пришла, подарок принесла!

Бабка Хана: Внученька пришла! Бабку старую вспомнила!

Лия: Бабушка! Рубаху эту я сама для вас шила и прошивала! Печенье это я сама для вас пекла и выпекала! Как вы принимали меня, когда я родилась, так примите от меня подарок в день моей свадьбы.

Бабка Хана: Внучка моя золотая! Как ты одарила меня рубахой, так да одарит тебя Господь двенадцатью сыновьями, которые день и ночь сидели бы над Торой и прославили бы твое имя во всем мире! *(Целует ее. Кладет ей руки на голову.)* Да благословит тебя Господь Авраама, Исаака и Иакова!

(*Берет рубаху, рассматривает ее.*) Ай, ай, ай, какая хорошая рубаха! Я оставлю ее себе на саван!

Бабка Хана (*берет в руки поднос и, подплясывая, направляется через базар к лавкам. Поет*):

Наплодила бабка Хана
Множество внучат.
Все в день свадьбы ей рубаху
Белую дарят.
Нарядилась бабка Хана
В белый свой убор
И выходит, как графиня,
На широкий двор.
Выплывает бабка Хана
Да на стар базар,
Выбегают ей навстречу
Все – и млад, и стар.
Внучку Лию бабка Хана
Замуж выдает,
И подносит всем соседям
Пряники и мед.
Угощает лавочников.
Угощенье бабки Ханы
Сладко и пьяно,
Кто к губам подносит рюмку,
Тот кричит: еще.
Голоса: Еще! Еще!

Лавочники и лавочницы обступают ее, пьют мед, закусывают пряниками и кладут на поднос монеты [Ан-ский 2003, 357–358].

Вся сцена построена как последовательность вопросов о повитухе из программы «Der mensch» и ответов на них [Der mensch 1914]. Разложим приведенный выше фрагмент пьесы по вопросам из программы. Реплики из пьесы, взятые в качестве «ответов», выделены курсивом:

Вопрос № 65: Получает ли также повитуха подарки в какие-либо моменты жизни ребенка? (Например, принято ли, чтобы к свадьбе ребенка ей присылали рубашку).

Инф. (Фрада): *Отнеси своей повитухе рубаху, которую ты для нее сшила.*

Вопрос № 67: Принято ли всюду выказывать уважение повитухе?

Инф. (ремарка): *Повитуха в новой рубахе берет в руки поднос с угощением и, подплясывая, направляется через базар к лавкам. Лавочники и лавочницы обступают ее, пьют мед, закусывают пряниками и кладут на поднос монеты.*

Вопрос № 69а: Как называют ее (повитуху) дети, которых она принимала?

Инф. (Лия): *Бабушка.*

Вопрос № 69б: Как она (повитуха) называет детей?

Инф. (Повитуха): *Внученька.*

Вопрос № 70: Существует ли поверье, что чем больше «внуков» (детей, которых она приняла) она оставит, тем больше будет ее награда на том свете?

Инф. (Повитуха): *Ай, ай, ай, какая хорошая рубаха! Я оставляю ее себе на саван!*¹⁹

В эпизоде происходит приращение подробностей, выходящих за пределы вопросов, что как раз и является признаком «идеального интервью». Выясняется, что одаривающая (Лия) сшила подарок своими руками. Так как Лия – дочь зажиточного отца и могла бы приобрести рубаху (именно рубаха фигурирует в вопросе), можно предположить, что девушка должна была одаривать повитуху собственноручно изготовленным подарком. Из приведенного фрагмента следует, что повитуха и невеста в процессе одаривания обмениваются ритуальными приветствиями, построенными на сравнении «как..., так...»

Невеста: *Как вы принимали меня, когда я родилась, так примите от меня подарок в день моей свадьбы.*

Повитуха: *Как ты одарила меня рубахой, так да одарит тебя Господь двенадцатью сыновьями.*

Наконец, внутри обряда одаривания содержится песня, которую исполняет повитуха, получив подарок. Таким образом, обращение к обряду позволяет зафиксировать образец содержащегося в нем фольклорного текста.

В целом весь эпизод выглядит как фрагмент очень удачного интервью с осведомленным и «щедрым» информантом. Большинство сцен «Дибук» построены именно по такому принципу.

II

Этнографическая и краеведческая программы Ан-ского – это источники «Дибук», поэтому история их создания важна для истории написания пьесы. Особенно значимыми являются вопросы «Для чего Ан-ский составил эти программы? На какие образцы он ориентировался?»

Этнографической программе «Der mensch» предпослано обширное предисловие. В нем сказано:

¹⁹ Очевидно, рубаха, использованная в качестве савана, будет свидетельствовать на том свете о ее трудах по родовспоможению на этом, и тем самым обеспечить загробное воздаяние.

С помощью этой программы Экспедиция²⁰ надеется обратиться к каждому, кто знает и помнит, что люди делали в прошлом, что они делают в настоящем, в тех местах, где еврейская жизнь все еще протекает в традиционных формах. Когда будут собраны многочисленные ответы на эти вопросы, станет возможным представить внутреннее устройство еврейской общины, еврейской семьи и всей традиционной еврейской жизни [Der mench 1914, 13].

Далее следует подробная инструкция, сообщающая, как пользоваться программой, как записывать ответы на содержащиеся в ней вопросы, подчеркнуто, что записи следует вести в специальной тетради, с одной стороны листа, писать нужно разборчиво и т. п. Дополнительно разъяснено, что следует везде указывать личные данные информанта, номер заданного вопроса, записывать все ответы с учетом фонетических особенностей местного диалекта идиша и т. д. Собранные материалы, согласно инструкции, следует подписать и направить в Петербург, в Еврейское историко-этнографическое общество.

Аналогичное предуведомление, хотя и более краткое, содержится и в Историко-краеведческой программе:

Ответы пишите ясно и разборчиво в отдельной тетради и не забывайте указывать номер вопроса, на который отвечаете. К ответам, в которых вы не уверены, прибавьте слово «кажется». Если вы передаете то, что слышали от другого, нужно указать, от кого именно и в каком месте.

На каждой тетради, в которой вы пишете ответы, необходимо указать дату (число), место (город, губерния) и имя, фамилию, возраст и род занятий того, кто отвечает на вопросы анкеты.

Ответы просьба присылать по адресу: Петербург. Евр<ейское> историко-этнограф<ическое>. общество. Вас<ильевский> остров, 5 линия, д. 50. Для Экспедиции. [Историко-краеведческая программа 2013, 2].

Из этих и подобных указаний следует, что Ан-ский, провозгласив фольклористику и этнографию общенациональным делом для всей еврейской интеллигенции, не собирался ограничиваться призывами, а всерьез думал о создании движения «замлеров» (*идиш*, собирателей) как особой формы массовой общественной деятельности, которую следовало организовать при «Еврейской этнографической экспедиции им. барона Г.О. Гинцбурга» как автономном подразделении Еврейского историко-этнографического общества в Петербурге. Ан-ский начинает предисловие к

²⁰ Под «Экспедицией» Ан-ский понимает не поездку, а постоянно действующую институцию «Еврейская этнографическая экспедиция им. барона Г.О. Гинцбурга», существовавшую как автономный филиал Еврейского историко-этнографического общества.

программе «Der mench» с того, что Экспедиция организовала ряд поездок в черту оседлости, а теперь эта работа должна стать массовой и быть поддержана культурными силами на местах.

К сожалению, Ан-ский не успел осуществить это начинание, ему помешали Первая мировая война, Октябрьская революция и Гражданская война. В 1918 г. Ан-ский бежал из Советской России и вскоре умер. Программы Ан-ского не стали инструментом для массовой фольклорно-этнографической работы, их смогли применить только отдельные исследователи. Например, советский этнограф И.М. Пульнер использовал программу «Der mench» в своих многочисленных этнографических поездках в 1920-е и 1930-е гг. В полевых записях он, фиксируя интервью, прямо указывает номера вопросов, соответствующие программе Ан-ского. На основе собранных материалов в 1940 г. Пульнер написал диссертацию «Свадебные обряды у евреев», превосходное исследование, которое удалось недавно опубликовать [Пульнер 2022]. Кроме того, Пульнер, следуя указаниям Ан-ского, разослал опросник нескольким корреспондентам на местах, а затем собрал с них письменные ответы. Как уже было сказано, программы Ан-ского также были использованы во время этнографических экспедиций в Украине в начале 2000-х гг.

Ан-ский планировал организовать работу по самопознанию еврейского народа с помощью массовых опросов, проводимых по всем губерниям черты оседлости, с последующим накоплением и обработкой информации в едином центре. Именно для этого были разработаны специальные вопросники (программы). Запланированные Ан-ским опросы с помощью программ имели очевидный образец – Этнографическое бюро князя В.Н. Тенишева. Ан-ский сам намекает на подражательный характер своей инициативы, говоря в предисловии к «Der mench», что все цивилизованные народы Европы давно тратят значительные ресурсы на изучение и собирание народной культуры, как духовной, так и материальной, и только евреи составляют печальное исключение [Der mench 2014, 9].

Князь Вячеслав Николаевич Тенишев (1844–1903) был крупнейшим русским промышленником, финансистом и меценатом. Он владел рядом металлообрабатывающих и машиностроительных заводов, был членом правления нескольких банков. Его попечением и на его средства была создана либеральная частная школа – Тенишевское училище. Этнографическое бюро стало последней крупной инициативой князя Тенишева. Оно было создано им в 1897 г. в Санкт-Петербурге и активно работало до 1901 г. Основной целью бюро был сбор сведений о русском крестьянстве с помощью «Программы этнографических сведений о крестьянах Центральной России, составленной князем В.Н. Тенишевым» [Тенишев 1993]. Программа была издана трижды – в 1896, 1897 и 1898 гг. Открывая Этнографическое бюро, Тенишев ставил перед собой как политические,

так и научные цели. Он понимал, что межсословные и экономические противоречия в Российской империи чреваты революцией, поэтому, во избежание социального взрыва, следует изучить мирозерцание самой многочисленной группы населения – великорусских крестьян. Кроме прикладных политических и социальных задач Тенишев видел перед собой и чисто исследовательские, так как осознавал научную ценность собранных им материалов.

Тенишев не только финансировал Этнографическое бюро, но был его научным руководителем. В самом бюро в Петербурге работали профессиональные этнографы, занимавшиеся обработкой присылаемых материалов. Внештатные сотрудники, так называемые корреспонденты, заключали с Этнографическим бюро договор по сбору сведений в той местности, в которой они жили. Всего собирательской деятельностью занималось 350 человек в 23 губерниях европейской части России. Работа корреспондентов хорошо оплачивалась [Быт великорусских крестьян 1993, 13].

Методы работы корреспондентов Тенишевского бюро подробно описаны в «Обращении к сотрудникам». Опросы, согласно Тенишеву, должны были проходить в полном соответствии с программой, каждую запись следовало предварить номером вопроса. Предполагалась как можно более точная, с учетом фонетики, фиксация устных рассказов [Тенишев 1993, 363]. Это описание методов этнографической работы явно повлияло на предисловия к программам Ан-ского.

Этнографическое бюро Тенишева наследовало достаточно длительной традиции. Еще в середине XIX в. Императорское русское географическое общество начало сбор сведений о «простом сельском народе» с помощью специально составленной программы. В 1870–1890-х гг. различными авторами и учреждениями было издано 12 программ, посвященных изучению различных сторон крестьянской жизни [Быт великорусских крестьян 1993, 9]. По многим из них были собраны ответы. Тем не менее проект Тенишева благодаря щедрому финансированию, прекрасной организации и большому количеству внештатных корреспондентов оказался самым успешным, намного превзойдя все предыдущие по объему и разносторонности собранных записей.

Материалы Этнографического бюро князя Тенишева хранятся в архиве Российского этнографического музея в Петербурге – это 1873 рукописи и 2356 машинописных копий. Их впервые начали публиковать только в 1993 г. [Быт великорусских крестьян 1993]. К настоящему времени издано восемь томов (каждый том в нескольких выпусках) [Русские крестьяне 2003–2011].

Ан-ский в своих планах опирался на опыт Этнографического бюро, неудивительно, что «Программа этнографических сведений о крестья-

нах Центральной России» повлияла на форму и содержание программы «Der mensch».

Программа Тенишева (так же, как программа Ан-ского) открывается «Предисловием», обосновывающим цели исследования. Затем следует «Обращение к сотрудникам», содержащее правила для корреспондентов. В программе Ан-ского аналогичную функцию имеет «Введение». Программа Тенишева разделена на десять крупных глав, в свою очередь, разбитых на разделы. Вот их перечень:

1. Физические природные свойства крестьян
2. Местные условия жизни крестьян
3. Общие указания об образе жизни крестьян
4. Общественные установления, обычаи или законы, регулирующие отношение крестьян к обществу и государственному строю
5. Отношение крестьян между собою и к посторонним лицам
6. Верования. Знания. Язык. Письмо. Искусства
7. Семья. Обычный порядок жизни
8. Сближение полов. Брак. Отклонение от законного брака
9. Рождение детей, воспитание, обучение, доведение до самостоятельности
10. Выходящие из ряда обстоятельства [Тенишев 1993, 357–360].

Всего в программу включен 491 пункт, каждый из которых, в свою очередь, состоит из нескольких вопросов. Таким образом, в программе Тенишева около 2500 вопросов, что близко по количеству вопросов к программе Ан-ского «Der mensch» (2087 вопросов). Первые пять глав имеют отчетливо экономический и социологический характер, соответственно пересечений с программами Ан-ского в них меньше. Главы с шестой по десятую гораздо существеннее напоминают программу «Der mensch».

Есть и другие черты сходства между двумя программами, например:

1. Претензия на тотальность, то есть попытка с помощью программы всецело охватить жизнь человека. Тенишев в предисловии к своей программе пишет, что многие исследователи изучали различные аспекты крестьянской жизни, каждый свой, ему же, Тенишеву, «для предприятия всестороннего изучения быта великорусских крестьян-землепашцев Центральной России нужна программа более общего характера» [Тенишев 1993, 361]. Ан-ский не делает таких заявлений, тем не менее его Историко-краеведческая программа охватывает весь многовековой период пребывания евреев в Восточной Европе, а Этнографическая – жизнь человека от рождения до смерти.

2. Уравнивание «высоких» и «низких» культурных явлений, например, институциональной и народной религии, институциональной и народной медицины.

3. Интерес к физической антропологии. Программу Тенишева открывают вопросы о внешности респондентов, ответ на которые предлагается

проиллюстрировать фотографиями [Тенишев 1993, 357]. В программе Ан-ского таких вопросов нет, но в фотоколлекции его экспедиции есть парные фотографии, на которых один и тот же человек сфотографирован в фас и профиль [Львов 2005, 14–16]. Эти фотографии явно были созданы как материал для физико-антропологического исследования.

Впрочем, между программами есть существенные различия. Тенишева, помимо этнографии, интересовали правовые, социальные и экономические подробности жизни крестьянина и крестьянской общины в целом. Особенное внимание он уделял влиянию правовых норм (как государственных, так и обычного права) на жизнь крестьян. В своей программе он выступает не только как этнограф, но и как социолог. Ан-ский сочетает этнографию с фольклористикой, интересуется еврейской стариной. Социальные вопросы его тоже интересуют, но под иным углом зрения. Например, в программах Ан-ского множество вопросов посвящены деятельности различных братств. В них он видит форму народной самоорганизации, что для него как для народника особенно важно.

Главное отличие, конечно, заключено в целеполагании. Тенишев собирает ответы на вопросы о «потребностях индивидуальной и общественной жизни человека, которым при данных окружающих условиях, соответствуют поступки и поведение изучаемых людей» [Тенишев 1993, 361], то есть смотрит на крестьян глазами разумного управленца, стремящегося понять управляемых, чтобы, с одной стороны, обеспечить экономику рабочей силой, а с другой – избежать социальных катаклизмов.

Ан-ский ставит перед собой совершенно иные задачи: сохранение еврейской старины, которая, по его мнению, стремительно исчезает, отыскание «социалистических» форм народной жизни, объединение интеллигенции, создание фундамента для современной светской еврейской культуры [Ан-ский 1995, 643].

Есть еще одно грустное соответствие в научной карьере русского капиталиста и аристократа Тенишева и еврейского революционера Ан-ского: оба мечтали написать итоговый труд – соответственно по русской и еврейской этнографии. Оба рано умерли, не успев осуществить свое намерение.

III

Пьеса, написанная на основе материалов и впечатлений, полученных в этнографической экспедиции и при этом снискавшая большой успех, кажется чем-то необычным. Между тем «Дибук» – не единственная такая пьеса. У нее есть прославленная предшественница, тоже написанная по результатам этнографической поездки, тематически близкая к «Дибuku» и еще гораздо более успешная. Нет сомнения в том, что эта пьеса не

могла не повлиять на Ан-ского – русского писателя и человека русской культуры.

Речь идет о пьесе «Гроза» – самой известной пьесе великого русского драматурга А. Н. Островского (1823–1886). Напомню ее краткое содержание. Купчиха Кабанова, по прозвищу Кабаниха, деспотически управляет своим семейством – слабохарактерным сыном Тихоном и его женой Катериной. Катерина влюбляется в Бориса – племянника купца Дикого, еще одного жадного и жестокого самодура. Борис тоже влюблен в Катерину. Влюбленные тайно встречаются. В присутствии Кабанихи Катерина признается мужу в измене, после чего ее жизнь становится невыносимой. Катерина топится в Волге.

«Гроза» была написана в 1859 г., опубликована в 1860 г. Ее премьера состоялась на сцене Александринского театра 2 декабря 1859 г. До этой постановки Островский был известным и успешным драматургом, после нее стал символом национального театра. Можно сказать, что «Гроза» – такая же эмблема русской драматургии и русского театра XIX в., как «Дибук» – символ еврейской драматургии и еврейского театра XX в. Достаточно сказать, что только до Октябрьской революции «Гроза» прошла на сцене различных театров 3593 раза [Ревакина 1959, 437–443].

«Гроза» появилась на свет благодаря участию Островского в этнографических поездках. В 1856 г. в соответствии с пожеланием великого князя Константина Николаевича, занимавшего пост морского министра, состоялись командировки известных литераторов для сбора материала о жизни, занятиях, экономическом положении, промысловой деятельности населения различных регионов России. Великий князь Константин Николаевич, брат императора Александра II, был лидером «либеральной партии», недаром царь называл его «первым своим помощником в крестьянском деле», то есть в подготовке отмены крепостного права. Именно в рамках предстоящей крестьянской реформы великим князем был организован сбор этнографических, социологических и экономических материалов. Тут нельзя не увидеть прямой параллели с последующей деятельностью князя Тенишева. Собранные материалы издавали в «Морском сборнике», ведомственном журнале Морского министерства, который в это время превратился в один из лучших и наиболее либеральных русских журналов [Лакшин 1976, 311–322].

Островскому поручили район Верхнего Поволжья от истока Волги до Нижнего Новгорода. Ему предстояло прежде всего выявить этнографический тип русского человека (физический вид, состояние), обусловленный социальными обстоятельствами в обозначенном регионе. Он должен был также собрать и изучить конкретные этнографические факты, дать описание жилищ, промыслов, судоходных средств с обозначением их названий и даже изображением на рисунках. Ему предстояло изучить нравы, обычаи, привычки, особенности речи, поговорки, характер народ-

ного мировоззрения. Всего Островский совершил две экспедиционные поездки – в апреле – августе 1856 г. и в мае – августе 1857 г. Их продолжительность вполне сопоставима с продолжительностью экспедиций Ан-ского, который отправился в свои поездки почти на шестьдесят лет позднее. Результатом двух этнографических поездок Островского стала публикация в 1859 г. в «Морском сборнике» развернутого очерка «Путешествие по Волге от истоков до Нижнего Новгорода» [Лакшин 1976, 320]. Над этой публикацией Островский работал одновременно с «Грозой», точно так же как Ан-ский одновременно составлял свои программы и заканчивал работу над «Дибуком». Действие «Грозы» происходит в вымышленном городе Калинове, напоминающем те провинциальные верхневолжские города, которые Островский посетил во время экспедиции. Островский, несомненно, использовал в пьесе экспедиционные впечатления.

Обращает на себя внимание тематическая близость двух пьес: и в той, и в другой речь идет о бесправном положении женщины в традиционном обществе, о запретной любви и трагической гибели главной героини, которая сама шагнула навстречу своей гибели. Конечно, Островский осуждает «темное царство», которое губит Катерину, а неоромантик Ан-ский, испытывая ностальгию по еврейской старине, этим «темным царством» скорее любит. Тем не менее лейтмотив обеих пьес совпадает. «Гроза», как и «Дибук», пронизана фольклорными и этнографическими мотивами.

Более того, в двух пьесах неожиданно совпадают многие детали, иногда второстепенные, что убеждает в неслучайности этих совпадений. Например, обе героини, Катерина и Лия, – рукодельницы, очень набожны и у них случаются видения. Катерина вспоминает свою жизнь в девичестве:

А придем из церкви, сядем за какую-нибудь работу, больше по бархату золотом, а странницы станут рассказывать: где они были, что видели, жития разные, либо стихи поют. <...> И до смерти я любила в церковь ходить! Точно, бывало, я в рай войду, и не вижу никого, и время не помню, и не слышу, когда служба кончится. Точно как все это в одну секунду было. <...> А знаешь: в солнечный день из купола такой светлый столб вниз идет, и в этом столбе ходит дым, точно облака, и вижу я, бывало, будто ангелы в этом столбе летают и поют [Островский 1959, 236].

Лия отправляется в синагогу, где встречает Хонона. Сопровождающая ее няня Фрада так объясняет цель их визита: Лия хочет посмотреть старинные паройхесы (занавесы для орн-койдеша), чтобы вышить такой же в память о матери:

Лиеле дала обет к поминальному дню²¹ по матери вышить завесу для кивота²². Вышьет она чистым золотом по нежному бархату святую завесу, как в старину вышивали, со львами, с орлами. Повесят над кивотом – и будет радоваться сердце матери в раю <...> А когда на заре Господь плачет над разрушенным Храмом, Его слезы падают в синагоги. Поэтому в старых синагогах стены заплаканные [Ан-ский 2003, 338].

Значимый персонаж в «Грозе» – это странница Феклуша, приживалка у богатой ханжи Кабанихи. Она нужна Островскому не столько для движения сюжета пьесы, сколько для создания атмосферы «темного царства», в котором царят почти средневековые легенды и суеверия. Феклуша, ходившая на богомолье в далекие края, без конца излагает всевозможные баснословные истории, отчетливо фольклорного происхождения:

В одной земле сидит на троне салтан Махнут турецкий, а в другой – салтан Махнут персидский. И не могут они ни одного дела рассудить праведно, такой уж им предел положен. У нас закон праведный, а у них неправедный; что по нашему закону так выходит, а по-ихнему всё напротив. И все судьи у них, в ихних странах, тоже все неправедные; так им и в просьбах пишут: «Суди меня, судья неправедный!» А то есть еще земля, где все люди с песьими головами. За неверность [Островский 1959, 241].

Фигуру Феклуши можно сопоставить с фигурой Прохожего старика в «Дибук». В первой редакции пьесы он выполняет служебную роль и напоминает Феклушу, также выступая человеком, который пришел издалека и знает много всего удивительного. В поздних версиях «Дибук» и особенно в экранизации 1936 г. эта роль становится одной из главных, воплощая собой неотвратимый голос судьбы. Вот, например, фрагмент реплики Прохожего старика, который тоже рассказывает о чудесном в дальних краях:

У нас в местечке был заклинатель, великий чудодей. Он святым Именем вызывал пожар и сейчас же другим Именем тушил его²³; он видел, что творится за тысячи верст от него, умел цедить вино из стены, стать невидимкой.

²¹ Йорцайт (*идиш.*) – годовщина смерти.

²² Предметы синагогальной утвари были, как правило, «вкладными» (то есть пожертвованиями). Вкладчик указывал на таком предмете имя покойного родственника (чаще всего одного из родителей), год и дату его смерти.

²³ Мотив о каббалисте, который мог Именем божьим вызывать и гасить пожар, заимствован С.А. Ан-ским из рассказа И.-Л. Переца «Водичка» [Перец 2013, 43–45]. Творчество Переца существенно повлияло на Ан-ского, упрочило его интерес к еврейскому фольклору.

Он говорил, что действенной каббалой можно воскрешать мертвых, вызывать нечистую силу, даже самое Ситро Ахро²⁴. Конечно, это очень опасно, но умеючи можно все сделать. Я это слышал из собственных уст заклинателя [Ан-ский 2003, 331].

«Гроза» Островского, несомненно, повлияла на намерение Ан-ского превратить полевые фольклорные и этнографические материалы не в прозаическое сочинение, а именно в пьесу. Как и в случае с «Грозой», результат оказался в высшей степени удачным.

Источники

- Rekhtman 1958 – *Rekhtman A. Yidishe etnografie un folklor*. (Еврейская этнография и фольклор). Буэнос-Айрес: ИВО, 1958.
- Полевой архив, Украина, 2004 г. (Центр «Петербургская иудаика») An-sky 1992 – *An-sky S. The Dybbuk and Other Writings*. NY: Schocken Books, 1992.
- Der mench 2014 – *Dos yidishe etnografishe program farpast fun Sh. An-skiy. Ershte teyl «Der mench»* (Еврейская этнографическая программа, составленная Ш. Ан-ским. Первая часть «Человек»). Петроград: 1914.
- Ан-ский 2003 – *Ан-ский С.А. Меж двух миров (Дибук) // Полвека еврейского театра. 1876–1926*. М.: Параллели, 2003. С. 319–381.
- Быт великорусских крестьян 1993 – *Быт великорусских крестьян-землепашцев. Описание материалов этнографического бюро князя В.Н. Тенишева. (На примере Владимирской губернии.) / Сост. Б.М. Фирсов, И.Г. Киселева*. СПб.: Издательство Европейского Дома, 1993.
- Историко-краеведческая программа 1913 – *Artige historishe program farpast fun Sh. An-skiy*. (Историко-краеведческая программа, составленная Ш. Ан-ским). СПб.: 1913.
- Островский 1959 – *Островский А.Н. Гроза // Островский А.Н. Собрание сочинений Т. 2*. М.: ГИХЛ, 1959. С. 223–284.
- Перец 2013 – *Перец И.-Л. Водичка // Еврейская литературная сказка*. СПб.: Симпозиум, 2013. С. 34–45.
- Русские крестьяне 2003–2011 – *Русские крестьяне: Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева*. СПб.: РЭМ, 2003–2011. Т. 1–7.
- Тенишев 1993 – *Программа этнографических сведений о крестьянах Центральной России, составленная князем В.Н. Тенишевым на основании соображений, изложенных в его книге «Деятельность*

²⁴ Другая сторона (*арам.*) – силы зла, нечистая сила.

человека». (СПб., 1897). 1898. // Быт великорусских крестьян-землепашцев. Описание материалов этнографического бюро князя В. Н. Тенишева. (На примере Владимирской губернии.) / Сост. Б. М. Фирсов, И. Г. Киселева. СПб.: Издательство Европейского Дома, 1993.

Литература

- Safran 2010 – *Safran G. Wandering Soul: The Dybbuk's Creator, S. An-sky.* Harvard University Press, 2010.
- Ан-ский 1995 – *Ан-ский С. А.* Еврейское народное творчество // Евреи в Российской Империи XVIII–XIX веков. Сборник трудов еврейских историков. М.-Иерусалим: Гешарим – Мосты культуры, 1995. С. 641–686.
- Дымшиц 2021 – *Дымшиц В.* Еврейская графика и еврейская сценография Натана Альтмана // Натан Альтман (1889–1970). Живопись. Графика. Театр. Скульптура. Фарфор. Книги. Фотографии и документы. СПб.: K Gallery, 2021. С. 11–25.
- Иванов 2003 – *Иванов В.* «Меж двух миров» («Дибук») С. Ан-ского // Полвека еврейского театра. 1876–1926 / Сост., авт. предисловия и ред. Б. Ентин. М.: Параллели, 2003. С. 527–542.
- Лакшин 1976 – *Лакшин В. Я.* А. Н. Островский. М.: Искусство, 1976.
- Львов 2005 – *Львов А.* «Еврейская детская». Музеефикация религии для воспитания народа. СПб.: Центр «Петербургская иудаика», 2005.
- Пульнер 2022 – *Пульнер И. М.* Свадебные обряды у евреев / Ред-сост. В. А. Дымшиц. Бостон / СПб., М.: Academic Studies Press / Библиороссика / ЕМЦТ, 2022.
- Ревякина 1959 – *Ревякина А. И.* Примечания к «Грозе» А. Н. Островского // Островский А. Н. Собрание сочинений. Т. 2. М.: ГИХЛ, 1959. С. 437–445.
- Сафран 2020 – *Сафран Г.* Неприкаянная душа. Семен Ан-ский: русский революционер, еврейский этнограф, автор «Дибук». Биография / Пер. с англ. А. Глебовской. СПб.: Симпозиум, 2020.
- Сергеева 2003 – *Сергеева И.* Этнографические экспедиции Семёна Ан-ского в документах // Параллели: русско-еврейский историко-литературный и библиографический альманах. № 2-3 / Ред. К. Ю. Бурмистров. М.: Дом еврейской книги, 2003. С. 97–124.

Sources of “Dibuk”: from Ethnographic Expeditions to the “Thunderstorm” by A.N. Ostrovskiy

Valery Dymshits

Interdepartment Center “Petersburg Judaica”,
European University at St. Petersburg, Russia
E-mail: dym@eu.spb.ru; vodym1959@gmail.com
ORCID: 0000-0002-1099-9917

Abstract: “Dybbuk”, the masterpiece of Jewish dramaturgy, became the synthesis of the wide range of impulses from Jewish folklore to Russian classical drama. S.A. An-sky organized in 1912–1914 famous Jewish folklore and ethnographic expeditions to the shtetls in the Pale of Settlement. The main results of the expeditions were “Dybbuk” as well as the ethnographic and local history programs. The paper is devoted to the emergence of S.A. An-sky’s play under the influence of his expeditions and ethnographic programs. The close substantial and structural interrelation of the play and the ethnographic programs of An-sky is shown. The influence of the Ethnographic Bureau of Prince V. Tenishev on the An-sky programs and his collecting work is investigated. The famous play “Thunderstorm” written by A.N. Ostrovsky was also the result of the ethnographic expedition as well as “Dybbuk”. It had also significantly influenced on “Dybbuk”.

Keywords: Jewish Folklore and Ethnography, the History of dramaturgy, Russian-Jewish cultural relations.

DOI: 10.31168/2658-3364.2023.1-2.05

References

- An-sky, S., 1995, *Evreiskoe narodnoe tvorchestvo* [Jewish folk art]. In: *Evrei v Rossijskoi Imperii XVIII–XIX vekov. Sbornik trudov evreiskih istorikov* [Jews in Russian Empire in 18–19th centuries. Collection of works of Jewish historians], 641–686. Moscow, Jerusalem: Gesharim – Mosty kul’tury.
- Dymshits, V., 2021, *Evreiskaia grafika i evreiskaia stsenografiia Natana Al’tmana* [Jewish graphics and Jewish scenography by Nathan Altman]. In: *Natan Al’tman (1889–1970). Zhivopis’. Grafika. Teatr. Skul’ptura. Farfor. Knigi. Fotografii i dokumenty* [Nathan Altman (1889–1970). Painting. Graphics. Theatre. Sculpture. Porcelain. Books. Photos and documents], 11–25. St. Petersburg: K Gallery. (Russian)

- Ivanov, V., 2003, “*Mezh dvukh mirov*” (“*Dibuk*”) S. An-skogo [“Between two Worlds” (“*Dibuk*”) by S. An-sky]. In: *Polveka evreiskogo teatra. 1876–1926* [Half a century of Jewish theater. 1876–1926], edited by B. Entin, 527–542. Moscow, Paralleli. (Russian)
- L’vov A., 2005, “*Evreiskaia detskaia*”. *Muzeifikatsiia religii dlia vospitaniia Naroda* [“The Jewish nursery.” Museification of religion for the education of the people]. St. Petersburg, Tsentr “Peterburgskaia iudaika”. (Russian)
- Lakshin, V., 1976, A. N. Ostrovskiy. Moscow, Iskusstvo. (Russian)
- Pul’ner, I., 2022. *Svadebnye obriady u evreev* [Jewish wedding ceremonies]. Boston, St. Petersburg, Moscow, Academic Studies Press, Bibliorossika, JMTC. (Russian)
- Reviakina, A., 1959, Primechaniia k “*Groze*” A. N. Ostrovskogo [Notes to the “Thunderstorm” by A. N. Ostrovskii]. In: A. N. Ostrovskii. *Sobranie sochinenii* [Collected works], Vol. 2, 437–445. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel’stvo khudozhestvennoi literatury. (Russian)
- Safran, G., 2020, *Neprikaianaia dusha. Semen An-skii: russkii revoliutsioner, evreiskiy etnograf, avtor “Dibuka”*. Biografiia [The restless soul. Semyon An-sky: Russian revolutionary, Jewish ethnographer, author of “Dibuk”. Biography]. St. Petersburg, Simpozium. (Russian)
- Safran, G., 2010, *Wandering Soul: The Dybbuk’s Creator, S. An-sky*. Harvard University Press.
- Sergeeva, I., 2003, *Etnograficheskie ekspeditsii Semena An-skogo v dokumentakh* [Ethnographic expeditions of Semyon An-sky in documents]. In: *Paralleli: russko-evreiskiy istoricheskii, literaturniy i bibliograficheskii al’manax* [Parallels of the Russian-Jewish historical, literary and bibliographic almanac], No. 2-3, edited by K. Burmistrov, 97–124. Moscow: Dom evreiskoi knigi.

Статья принята к печати 09.10.2023